

¹ Гуцол Светлана Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент
Национальный технический университет Украины "Киевский политехнический институт", г. Киев, Украина

Аннотация. Статья посвящена анализу мифа как фактора самопроектирования личности. Самопроектирование автор рассматривает как вид нетрадиционного проектирования, при котором проект, замысел, "зачинания" новых личностных смыслов находятся в непрерывном становлении. Обосновано, что специфика мифа как механизма регуляции поведения человека заключается в неразрывности парадигмальности (образцовости) поведения и обоснованности смысла этого поведения (действия, поступка), всегда выходящего за рамки индивидуального опыта (высшая осмысленность), вследствие чего для личности внутри мифа снимается проблема мотивации поведения. Показано, что в процессе самопроектирования миф, в значительной мере, теряет свою силу "предписания", "предназначения" (должное, в определенном смысле, уступает место возможному), проблема поиска смысла приобретает особую актуальность. Подчеркнуто, что новый миф становится основой создания нового смыслового универсума человека и мира культурных феноменов. Обосновано, что проектирование неизбежно порождает расширение смыслового пространства личности, смысловое уплотнение ее временной перспективы. Представлена авторская позиция, согласно которой, значение мифа в процессе самопроектирования обусловлено его основными психологическими функциями, позволяющими в субъективном пространстве жизни личности создавать и удерживать целостность картины мира, задавать идеалы и образцы поведения, прерывать причинно-следственную обусловленность жизненных событий, снимать проблему мотивации. Таким образом, в процессе самопроектирования миф, благодаря первичной символизации расширяющегося жизненного пространства, становится основой создания нового смыслового универсума личности.

Ключевые слова: миф, самопроектирование, проект, смысл, личность.

Постановка проблемы. Одной из остростоящих проблем современного социума является проблема отчуждения и обезличивания человека (Т. Адорно, К. Маркаuze, Ю. Хабермас). Однако, именно способность к формированию ответственной жизненной позиции, авторства своего собственного жизненного пути, творца собственной судьбы, проектирования своего развития, можно рассматривать в качестве атрибуций зрелой личности, которая, в свою очередь, является мерой и фактором развития культуры и общества в целом. В этой связи М.Р. Гинзбург, в качестве основной характеристики личности как субъекта жизни выделяет успешность ее самоопределения в смысловом пространстве жизненного пути, которая, в свою очередь, коррелирует с высокой осмысленностью жизни, доминированием смысловой регуляции, осознанием ценностно нагруженной временной перспективы собственной жизни. Иначе говоря, значимым фактором продуктивности самоопределения личности является смысловая плотность психологического времени. Личностное самоопределение можно считать успешным в случае высокого уровня значимости, осмысленности временной перспективы [1].

Позиция М.Р. Гинзбурга созвучна со взглядами С.Л. Рубинштейна, согласно которым осмысленность

человеческой жизни обуславливает развитие способности человека трансцендировать за пределы наличных жизненных ситуаций и превозмогать их сиюминутные объективные требования. С.Л. Рубинштейн рассматривает осмысленность человеческого бытия в связи с его устремленностью в будущее: "человек есть существо, имеющее "проект". "Проект" он потому, что в нем существование предшествует сущности, в нем нет готовой сущности, он сам ее делает; отсюда его сущность – свобода. Здесь только повернутость к будущему, посредством которого человек якобы отрывается от прошлого и его детерминации" [5, с. 361].

Таким образом, можно предположить, что преодоление "застреваний" в наличных ситуативных детерминациях становится возможным благодаря тому, что в каждой конкретной жизненной ситуации "просвечивает" ценностно-смысловой "проект" будущего. Как подчеркивает Ж.-П. Сартр: "у каждого настоящего есть свое будущее, которое освещает его и которое исчезает вместе с ним, становясь прошлым-будущим" [6, с. 153]. По мнению Г.Л. Тульчинского, автопроективность (person as self-project) является специфической характеристикой позиционирования и самопозиционирования личности в информационном обществе [8].

В последние десятилетия проектирование все чаще рассматривается как особый вид мыследеятельности (О.И. Анисимов, Д.Б. Генисаретский, В.М. Розин, Г.П. Щедровицкий, П.Г. Щедровицкий и пр.). Становление культуры технократического типа стимулировало формирование методологических основ проектной деятельности как специфического самостоятельного явления. В современной науке постепенно наметилась тенденция гуманитаризации подходов к проектированию, обусловленная внесением в его методологию философской, культурологической и психологической составляющих. Научная литература пополнилась рядом новых терминов: будущетворение (А.И. Суббето), автопроектирование (Г.Л. Тульчинский), самофутурирование (Н.С. Глуханюк), самопроектирование (Е.Е. Сапогова, В.И. Клейман, А.Н. Счастливцев и др.).

В контексте обсуждаемой проблемы, неожиданно для нас прозвучали идеи В.М. Розина, который в своей статье "Можем ли мы проектировать сами себя?" высказывается "против проектной установки, не вообще, а относительно человека и особенно самого себя. Хотя я себя могу замышлять и пытаться этот замысел в отношении себя реализовать, но получается при этом вовсе не проектирование себя, а нечто другое" [4, с. 8]. Безусловно, если под проектированием понимать классическое "традиционное проектирование" (инженерное, архитектурно-строительное, техническое), то вряд ли его характерные особенности, могут быть буквально, или даже с определенными корректировками, перенесены на проектирование человека. В данном исследовании под проектированием личности мы будем понимать скорее само "замышление" нового качества жизни субъекта, осуществление "замышляемого", а не узконаправленные устремления к заданному "образу результата"; в розиновской трактовке – нетрадиционное проектирование, при котором проект, замысел, "зачинания" новых личностных смыслов находятся в непрерывном становлении. Таким образом, человек является не проектировщиком себя в традиционном понимании этого термина, а скорее, "путником-сталкером". Эти взгляды В.М. Розина перекликается с позицией С.А. Смирнова, с точки зрения которого личность в современной социокультурной ситуации предстает как точка сборки свободы и ответственности, как странник, путник, навигатор [7].

Созвучные идеи в своих исследованиях развивает и Г.Л. Тульчинский, акцентирующий внимание на том, что в современном обществе активно формируется новая персонология, в которой "личность во все большей степени предстает как проект, или даже – как серия проектов, автором которых выступает сама личность" [9, с. 253]. С точки зрения М.Н. Эпштейна, важной и недостаточно разработанной проблемой теории возможного является проблема "возможных миров" и их соотношения с действительностью [11]. Несмотря на то, что в моделировании "возможного" принимают участие все психические познавательные процессы, особую роль здесь следует отвести воображению, образы которого открывают перед индивидом "возможные миры", в определенном смысле, отвергающие действительность.

И если реальные события жизни человека, происходящие в реальном пространственно-временном континууме, формирующие системы достаточно жестких причинно-следственных связей, выстраивающие достаточно жесткие линии "прошлое – настоящее – будущее", являются одной из основных форм детерминирования жизни человека, то, согласно концепции Ю.М. Швалба, пространство продуктивных образов воображения, которое задает "возможное" как таковое, независимо от степени его реализуемости (весь спектр от возможного "возможного" до невозможного "возможного"), создает особый полюс, ортогональный основной оси "прошлое – будущее".

Другим ортогональным полюсом, – является пространство "должного", задаваемое мифом, который представляет собой специфический психологический механизм, позволяющий в субъективном пространстве жизни личности прерывать действие внешнего детерминирования, разрушая причинно-следственную обусловленность жизненных событий. Будучи своего рода "предписанием", "миф оказывается не подчиненным реальному пространственно-временному континууму жизни. Для существа мифа совершенно безразлично, когда и где происходили описываемые события. Более того, для мифологического сознания становятся безразличными конкретные детали наличной ситуации – миф показывает "должное" [10, с. 110].

Таким образом, общую схему психологической детерминации жизни индивида, Ю.М. Швалб предлагает рассматривать в виде системы координат, состоящей из двух ортогональных направляющих:

- первая ось "прошлое – будущее", вдоль которой развертывается "реальное";
- вторая – "должное (миф) – возможное (воображение)".

Очевидно, что существуют определенные культурные и психологические механизмы взаимопереходов мифа и образа воображения. Среди культурных форм сближения образа и мифа Ю.М. Швалб выделяет былинку, притчу, сказку и пр. С нашей точки зрения, психологические механизмы таких взаимопереходов обязательным образом должны "запускаться" в процессе самопроектирования.

Целью данной статьи является анализ мифа как одного из факторов процесса самопроектирования.

Результаты теоретического анализа проблемы. Под мифом мы будем понимать наиболее древнюю и устойчивую форму организации и трансляции социокультурного опыта и механизм регуляции человеческого поведения, актуальные для любого типа культуры. В основе мифологической формы организации индивидуального и группового опыта лежит непосредственный, чувственно-рефлексивный, созерцательный (первичный бытийственный) способ переживания мира в его целостности) продуктивный способ миропостижения. В данном вопросе мы полностью разделяем позицию Ю.М. Швалба, согласно которой миф является продуктом созерцания как особого порождающего процесса сознания, созерцательного способа взаимоотношений с миром. Миф предлагает подробные, детализированные описания событий как образцов, предписаний, способов действий в той или

иной ситуации. Однако определенное событие может стать мифом только при наделении его высшим смыслом. Ю.М. Швалб подчеркивает, что в этом контексте понятие высшего смысла означает его сверхличностный характер; здесь речь идет о смысле, который не может быть подвергнут сомнению отдельно взятым представителем данной культуры [10, с. 109]. Таким образом, способ поведения и смысл, которым он наделяется, соединяются, "склеиваются" в единое целое. Человеку нет необходимости искать смыслы и способы действий в рамках мифологического отношения к миру. В мифе отношение человека к миру достаточно жестко регламентировано, произвольность отсутствует практически полностью, однако сама природа в период архаики обеспечивает существование человека всем необходимым и является условием защищенности человеческого рода и отдельного индивида. Преобладающие мотивы мифов – мотивы защищенности (безопасности) – характеризуют, в первую очередь, аффективно-защитные функции мифосознания. Заданность и защищенность являются двумя базовыми векторами, определяющими природу мифологического сознания.

Таким образом, можно заключить, что специфика мифа как механизма регуляции поведения человека, прежде всего, заключается в неразрывности парадигмальности (образцовости) поведения и обоснованности смысла этого поведения (действия, поступка), всегда выходящего за рамки индивидуального опыта (высшая осмысленность), вследствие чего для личности внутри мифа снимается проблема мотивации поведения в принципе.

С нашей точки зрения, здесь следует особо подчеркнуть, что проблема смысла "снимается" только внутри самого мифа (мифологического отношения к жизни в целом, к конкретным жизненным ситуациям, внутри мифологических сценариев и т.д.). В процессе же самопроектирования, когда речь идет о человеке как субъекте своего жизненного пути, миф, в значительной мере, теряет свою могущественную силу "предписания", "предназначения", "предназначения" (должное, в определенном смысле, уступает место возможному), проблема поиска смысла приобретает особую актуальность. В процессе "разрушения" устаревших, отягощающих, непродуктивных и пр. мифов человек неизбежно попадает под власть новых мифологических конструкций (причем, многие из них являются бесконечными вариациями старых): человек скорее "переколдовывает" мир, а не "расколдовывает" его, как считал М. Вебер.

В данном контексте новый миф становится основой создания нового смыслового универсума человека и мира культурных феноменов. В процессе движения к Новому мифологическое сознание осуществляет акт первичной символизации, порождает дифференцировки предметности с помощью знако-символических средств, тем самым, производя удвоение мира. Проектирование неизбежно порождает расширение смыслового пространства личности, смысловое уплотнение ее временной перспективы. Условием генерации новых смыслов в процессе самопроектирования выступает мечта, которая, в свою очередь, может быть как зафиксированной, запечатленной в дискурсе, так и

оставаться в виде интенциональных переживаний личности. Мечта – это, своего рода, прообраз (то, что служит образцом, образом будущего – идеал, пример, модель, способ достижения) цели, так как смысл, идея, носителем которой мечта является, может привести к дальнейшим практическим преобразованиям как реальности, так и внутреннего пространства личности. В мечтах происходит взаимное проникновение прошлого, настоящего и будущего. Действительно, мечты о будущем лежат в основе анализа прошлого опыта, социальных ожиданий и целенаправленного поведения в настоящем. В русле обсуждаемой проблемы, большой интерес представляет концепция И.В. Мелик-Гайказян о двух сторонах мечты: мифе и утопии, где утопия понимается как мечта о лучшем будущем, а миф – мечта о прошлом [3, с. 124]. Прошлое, в определенном смысле, возникает из будущего, "временит настоящее", направленность на прошлое в данном контексте означает "оживление" мифа. В утопиях и мифах излагаются трактовки коллективной мечты, в пределах которой человек должен понять свое предназначение, а также и сами способы постижения этого предназначения.

Выбор мечты, это – событие, разделяющее прошлое и будущее, событие, являющееся скачком из потенциальности в актуальность. Семантика выбора в данном контексте имманентна самому существованию человека, поскольку именно в этом процессе формируется направленность вектора мечты как прообраза цели на прошлое и/или будущее. При этом направленность мечты на прошлое обусловлено гносеологическим "преимуществом" мифа, заключающимся в целостности картины мира, которую он порождает. Человек сам является создателем времени (М. Хайдеггер), так как настоящее и будущее (а, как следствие, и прошлое) детерминированы его планами и поведением (поступками, действиями), то есть процессом выбора. На уровне индивидуального сознания "образ прошлого" – это представление в настоящем того, что когда-то имело место в жизни человека, "образ будущего" – представление того, чего никогда еще не было в его жизни. В этом смысле, "образ будущего" больше способен нам рассказать о настоящем и прошлом этого человека, чем "образ прошлого". Различия между "образом будущего" и будущим является более очевидным, чем между "образом прошлого" и самим прошлым. Иными словами, "образ прошлого" в определенной степени всегда мифологизируется. Человеку свойственно доверие к прошлому, ориентация на него. Если предложить индивиду какое-то решение, укорененное в его прошлом опыте, он скорее будет склонен принять его.

Выводы. Подводя итоги выше сказанного, можно заключить, что самопроектирование как совокупность специфических психологических механизмов генерации новых смыслов личностью и механизмов формирования целенаправленных действий изначально "запускается" направленностью мечты, являющейся, в свою очередь, прообразом цели в интенциональных личностных переживаниях. Как отмечает Н.А. Лукьянова, "эти механизмы детерминированы внешними факторами среды к единственному неповторимому самому себе, посредством экзистенциального выбора,

который является своеобразным устройством, позволяющим достичь цели, ради которой генерировалась или рецептировалась информация. Таким образом, экзистенциальный выбор – это проектирование, посредством которого человек переходит от созерцательно-чувственной реальности к текстам коммуникативного пространства" [2, с. 250].

Место мифа в этом процессе обусловлено его основными психологическими функциями, позволяю-

щими в субъективном пространстве жизни личности создавать и удерживать целостность картины мира, задавать идеалы и образцы поведения, прерывать причинно-следственную обусловленность жизненных событий, снимать проблему мотивации и поиска смысла. В процессе самопроектирования миф, благодаря первичной символизации расширяющегося жизненного пространства, становится основой создания нового смыслового универсума личности.

ЛИТЕРАТУРА

(REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

1. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С.19–27.
Ginzburg M.R. Lichnostnoe samoopredelenie kak psihologicheskaja problema [Personal self-determination as a psychological problem] / M. R. Ginzburg // Voprosy psihologii. – 1988. – № 2. – S.19–27.
2. Лукьянова Н.А. Постнеклассическая методология исследования цели и мечты / Н. А. Лукьянова // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 310. – № 1. – С. 246–251.
Luk'janova N.A. Postneklassicheskaja metodologija issledovanija celi i mechtu [Postnonclassical methodology of the study goals and dreams] / N. A. Luk'janova // Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta. – 2007. – T. 310. – № 1. – S. 246–251.
3. Лукьянова Н.А., Максименко О.Ю., Мелик-Гайказян И.В. Миф и утопия: две стороны мечты / Н. А. Лукьянова, О. Ю. Максименко, И. В. Мелик-Гайказян // Философия образования. – 2003. – № 6. – С. 124–129.
Luk'janova N.A., Maksimenko O.Ju., Melik-Gajkazjan I.V. Mif i utopija: dve storony mechtu [Myth and utopia: two sides of dreams] / N. A. Luk'janova, O. Ju. Maksimenko, I. V. Melik-Gajkazjan // Filosofija obrazovanija. – 2003. – № 6. – S. 124–129.
4. Розин В.М. Можем ли мы проектировать сами себя? / В. М. Розин // Философские науки. – 2009. – № 12. – С. 8–26.
Rozin V.M. Mozhem li my proektirovat' sami sebja? [Can we design ourselves?] / V. M. Rozin // Filosofskie nauki. – 2009. – № 12. – S. 8–26.
5. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
Rubinshtejn S.L. Problemy obshhej psihologii [Problems of general psychology] / S. L. Rubinshtejn. – M.: Pedagogika, 1973. – 424 s.
6. Сартр Ж.-П. Слова. Пьесы / Ж. -П. Сартр; пер. с фр. Ю. Яхниной, Л. Зониной, Л. Каменской. – М.: АСТ, 2007. – 316 с. (Книга на все времена).
Sartr Zh.-P. Slova. Pjesy [Word. Plays] / Zh. -P. Sartr; per. s fr. Ju. Jahninoj, L. Zoninoj, L. Kamenskoj. – M.: AST, 2007. – 316 s. (Kniga na vse vremena).
7. Смирнов С.А. Бытие в свободе, или Проблема культурной идентичности человека в ситуации онтологического перехода / С. А. Смирнов // Философские науки. – 2004. – № 3. – С. 58–84.
Smirnov S.A. Bytie v svobode, ili Problema kul'turnoj identichnosti cheloveka v situacii ontologicheskogo perehoda [Being in freedom, or the problem of cultural identity of a person in a situation of ontological transition] / S. A. Smirnov // Filosofskie nauki. – 2004. – № 3. – S. 58–84.
8. Тульчинский Г.Л. Автопроективность личности / Тульчинский Г.Л. // Философские науки. – 2009. – № 11. – С. 137–139.
Tul'chinskij G.L. Avtoproektivnost' lichnosti [Self-projection of a personality] / Tul'chinskij G.L. // Filosofskie nauki. – 2009. – № 11. – S. 137–139.
9. Тульчинский Г.Л. Личность как проект и бренд / Г. Л. Тульчинский // Наука телевидение. – 2011. Вып. 8. – С. 250–265.
Tul'chinskij G.L. Lichnost' kak proekt i brend [The personality as a project and a brand] / G. L. Tul'chinskij // Nauka televidenie. – 2011. Vyp. 8. – S. 250–265.
10. Швалб Ю.М. Психологические модели целеполагания / Ю. М. Швалб. – К.: СТИЛОС, 1997. – 236 с.
Shvalb Ju.M. Psihologicheskie modeli celepolaganija [Psychological models of goal-setting] / Ju. M. Shvalb. – K.: STILOS, 1997. – 236 s.
11. Эпштейн М. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре / М. Эпштейн. – С-Петербург: Алетейя, 2001. – 336 с. (Серия "Тела мысли").
Jepshtejn M. Filosofija vozmozhnogo. Modal'nosti v myshlenii i kul'ture [The philosophy of the possible. Modality in the thinking and culture] / M. Jepshtejn. – S-Peterburg: Aletejja, 2001. – 336 s. (Serija "Tela mysli").

Gutsol S.Y. Role of myth in the process of self-projection of a personality

Abstract. This article concerns the analysis of myth as a factor of self-projection of a personality. The author considers self-projection as a type of non-traditional projection, which project, intention, and "origins" of new personality senses are being permanently established. It is proved, that myth's feature as a mechanism of man's behavior regulation comes from inseparability of paradigmatic behavior and from justifiability of a sense of this behavior (action), always being placed beyond an individual experience (superior awareness). Consequently, the problem of behavior's motivation is removed for a personality within myth. The author illustrates that in process of self-projection myth mostly loses its power of "prescription", "destination" (the necessary in a sense is replaced by the possible); the issue of a sense-search becomes especially important. It is emphasized that new myth becomes the base for creation of a new universe of man's senses and of a world of cultural phenomena. The projection unavoidably causes the expansion of sense-space of a personality, the sense-tightening of personality's time perspective. According to the author's viewpoint, role of myth in the process of self-projection is featured by its main psychological functions. They are able to create and maintain the integrality of world's image in subjective space of a personality's life, to establish behavior goals and patterns, to interrupt causal/consequential framing of daily events, and to remove the motivation issue. Myth therefore due to its primal symbolization of life space expansion in the process of self-projection becomes a base for creation of new sense-universe of a personality.

Keywords: myth, self-projection, project, sense, personality.